

«Голосование ногами»: российская электоральная социология о проблеме явки на выборы (1989–1996 гг.)

А. В. Шевцов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Для цитирования: Шевцов А. В. «Голосование ногами»: российская электоральная социология о проблеме явки на выборы (1989–1996 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 81–92. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.105>

Статья посвящена проблеме явки на выборы в СССР и России в период 1989–1996 гг. в оценке российских социологов и обществоведов. В рамках теории представительной демократии в ее неолиберальной версии акты легитимации сужаются до процедуры голосования. Опыт внедрения данных принципов в СССР и Российской Федерации в конце XX в. достаточно актуален для развития современной политической социологии. Цель — ретроспективное (историческое) изучение объяснительных схем, предложенных российскими электоральными социологами и представителями смежных дисциплин по поводу снижения явки избирателей на выборах 1989–1996 гг. Задачи: 1) описание конкретных ситуаций, 2) анализ выдвигаемых положений и аргументов, 3) обобщение предложенных гипотез и концепций. Используются традиционные методы для работ такого характера (анализ, синтез, эвристический, дескриптивный). Снижение числа избирателей происходило постоянно. Как и во всем мире, в первую очередь это касалось тех структур, которые не воспринимались как значимые. Это вело к постепенному снижению избирательного барьера вплоть до его отмены. Общим местом в рассуждениях социологов стало утверждение о «голосовании ногами» как результате разочарования в социально-экономических преобразованиях 1990-х гг. Афффилированная с определенными политическими силами и организациями активная часть электората чутко реагировала на сообщения СМИ о массовых фальсификациях. Общее снижение явки прекрасно было использовано политическими технологами в интересах своих клиентов. Делая первые шаги российская электоральная социология не была способна улучшить ситуацию в отношении социально-политической ориентации электората.

Ключевые слова: электоральная социология, явка на выборы, абсентеизм.

Введение

Постоянное снижение явки на выборы в разных странах с различными политическими и избирательными системами превратилось в последние десятилетия в устойчивую тенденцию. В соответствии с ней в 1989 г. в СССР ритуал подтверждения народной поддержки блока коммунистов и беспартийных с традиционными 99,9 % (как пришедших на участки, так и их позитивного голосования) был дополнен «реальной альтернативой» из нескольких конкурирующих между собой кандидатов.

С этой точки зрения особый интерес для развития отечественной социологии в целом и политической социологии в частности представляют перипетии степени участия граждан в избирательном процессе конца XX в. и, главное, варианты интерпретации изменения процента явки со стороны социологов и представителей смежных наук и дисциплин. Поэтому, на наш взгляд, избранная тема достаточно актуальна.

Сами проблемы явки на выборы и уклонения от участия в них (абсентеизма) достаточно хорошо разработаны в современной российской научной литературе, опять-таки преимущественно в политическом и юридическом аспектах (см., например: [1–5]). Относительно интересующего нас периода хотелось бы выделить исследования Е. С. Сидоркиной [6] и совместную работу европейских и российских специалистов [7]. Также можно указать на обобщающий труд Д. С. Хатчесона (D. S. Hutcheson) [8], в котором рассмотрены основные процессы трансформации избирательной политики, роли и функций Госдумы, избирательной и партийной систем, приемов «политического маркетинга» (агитации и пропаганды), способов мобилизации избирателей, моделей электорального поведения, отношения к легитимности парламентских выборов. Разумеется, не остались в стороне от этой проблемы социологи (см., например: [9; 10]).

Проблема подсчета процента проголосовавших избирателей только на первый взгляд имеет узко-политический и формально-юридический аспекты (в последнем случае — при наличии порога явки). Социальное звучание вытекает из самой теории представительной демократии в ее неолиберальной версии. Пресловутый *vox populi* сужается до процедуры голосования (разумеется, ответственного, честного и транспарентного) в условиях всеобщего избирательного права. Соответственно, акты легитимации политической подсистемы со стороны материнской социальной системы проявляются в рамках избирательного процесса. Процент участвующих в столь важных для стабильности властных структур действиях не только свидетельствует о степени поддержки подсистемы, но и считается первым шагом для включения граждан-избирателей в полноценную политическую коммуникацию (теория рационального выбора, подробнее см.: [11]).

Таким образом, вполне тривиальный политический ритуал превращается в необходимое условие стабильного существования так называемой демократической политической системы. Причем она может быть ввергнута в длительный кризис, а то и уничтожена под предлогом несоответствия практики избирательной процедуры вышеперечисленным принципам. Необходимо лишь достаточное количество агрессивно настроенных политических акторов, как отечественных, так и иностранных.

Отсюда и столь пристальное внимание со стороны ученых и пропагандистов к числу активных избирателей, пришедших поддержать свою «команду». Уклонение от участия в данной процедуре отсылает нас к несовершенству электората (низкий уровень политической культуры) и опять-таки к несоответствию данной избирательной системы идеальному демократическому типу.

Д. П. Гавра и К. С. Силантьев предложили вполне традиционную типологию абсентеизма: активный (сознательный выбор); пассивный (воспроизведение пассивного поведения); реактивный (под влиянием ситуативных факторов преимущественно аффективного характера) [3, с. 17–18]. Е. С. Сидоркина утроила число типов. Люди отказываются от голосования по следующим причинам:

- 1) объективные обстоятельства (болезнь, отъезд, плохая погода);
- 2) отсутствие интереса к политике (аполитичность);
- 3) усталость и разочарование в политике;
- 4) отсутствие достойных кандидатов;
- 5) отсутствие веры во влияние своего голоса;
- 6) низкая значимость парламента в глазах избирателей;
- 7) протест против сложившейся ситуации в стране;
- 8) убежденность в предрешенности результата выборов;
- 9) снижение эффективности института выборов в глазах избирателей [6, с. 10].

Цель статьи состоит в ретроспективном (историческом) изучении объяснительных схем, предложенных российскими электоральными социологами и представителями смежных дисциплин по поводу снижения явки избирателей на выборах 1989–1996 гг. В данный временной отрезок происходило становление системы конкурентных многопартийных выборов в СССР и РФ.

Соответственно, задачами для ее реализации являются:

- описание конкретных ситуаций, связанных с оценками степени участия электората в выборах;
- анализ выдвигаемых участниками избирательного процесса и исследователями положений и аргументов, объясняющих снижение и рост явки на выборы;
- обобщение предложенных учеными и профессиональными социологами гипотез и концепций, объясняющих данные изменения.

Реакция на социально-экономический кризис

Относительно выдвигаемых учеными и профессиональными социологами гипотез и концепций следует отметить, что они в основном вписывались в рамки типологии, предложенной Е. С. Сидоркиной [6, с. 10].

О первом негативном опыте избирателей писал руководитель Центра изучения общественного мнения Института социологии В. Г. Бритвин в статье, посвященной предвыборным перспективам КПСС на предстоящих в 1990-х гг. республиканских и местных выборах. Автор опирался на материалы июльского опроса 1989 г. (около 1460 респондентов, Алма-Ата, Волгоград, Кутаиси, Москва, Рига). Причем в первую очередь его интересовало мнение представителей социальной базы компартии — занятых в сфере промышленного производства 856 рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Также были привлечены результаты двух опросов москвичей (апрель того же года, 425 респондентов; июль, 830).

В предстоящих выборах в республиканские и местные советы собирались участвовать 61 % избирателей вместо принявших участие в выборах народных депутатов СССР — 85 %. Причем 39 % процентов опрошиваемых критически относились к работе Съезда народных депутатов («дальше разговоров на Съезде дело не продвинулось»). Впрочем, члены партии высказывались гораздо более позитивно, нежели беспартийные. Вызывали одобрение критические оценки депутатами экономического положения (46 %), бюрократии (25 %), развития демократии (19 %).

По мнению автора, коренной перелом в отношении к партийным кандидатам мог произойти, во-первых, с началом ощутимых перемен в экономике и прежде всего в снабжении продовольственными продуктами и промышленными товарами первой

необходимости, а во-вторых, вместе с заметными сдвигами в деле установления социальной справедливости. «Пока, на наш взгляд, в общественном мнении и настроениях преобладает не столько собственно критическая оценка партии, сколько установка на поиск субъектов политического процесса, которые в наибольшей степени отвечали бы формирующимся запросам и ожиданиям людей» [12, с. 26].

Критика предвыборных программ

В достаточно неожиданном ракурсе был поставлен вопрос о привлечении потенциальных участников голосования в процессе обсуждения неудачи проправительственных сил на первых выборах в Госдуму в 1993 г. Так, на организованной институтом «Открытое общество» Фонда Дж. Сороса конференции работников СМИ (16 октября 1995 г.) директор социологической службы Общественного российского телевидения В. М. Вильчек обвинил власти предрешающие в запрете журналистам комментировать в эфире выступления кандидатов. По его мнению, это делалось для увеличения явки на конституционном референдуме за счет привлечения оппозиционно настроенных избирателей.

«Расчет был достаточно прост: если бы журналисты активно участвовали в избирательной кампании, например показали, что Жириновский лжет, дает невыполнимые обещания; если бы показали, что аграрии на самом деле ведут избирательную кампанию из-под палки, что на селе все организовано председателями, что в выборах участвуют подневольные люди, и многое другое, — то неизвестно, пришло бы такое количество людей на избирательные участки» [13, с. 8].

Таким образом, следуя его логике, общественное обсуждение предвыборных программ являлось при определенных условиях причиной абсентеизма.

Усталость и дезориентация избирателей

Сходные идеи высказывали нижегородские социологи А. А. Иудин, П. Л. Марченков и А. И. Некрасов. Под их руководством в ноябре — начале декабря 1993 г. была проведена в три этапа серия замеров в трех-шести избирательных округах. По их мнению, избиратель был полностью дезориентирован. Энтузиазм 1989–1991 гг. сменился аполитичностью, выражавшейся в потере интереса населения к политической реальности и в резко негативном отношении к политикам и их деятельности. Даже твердо уверенные в своем участии в думских выборах граждане за неделю до выборов затруднялись назвать имя избранников (кандидата по одномандатному округу и партии/блока по пропорциональному списку).

«Возможно, именно это обстоятельство и стало причиной несколько пониженной активности нижегородцев на выборах» [14, с. 11]. Недаром по одномандатным округам порог явки был понижен до 25 %.

Впрочем, для сравнения можно привести мнение П. Ф. Лазарсфельда об изменении позиции североамериканских избирателей. «Люди, которые меняют свое политическое мнение, не слишком интересуются выборами и их результатами. Их безразличие мешает им прийти к твердому решению, поскольку они легко поддаются случайным влияниям» [15, с. 163–164].

Разочарование в политике «шоковой терапии» со временем только нарастало. Так, сложившаяся на базе кафедры социологии и психологии Уральской академии

госслужбы исследовательская группа к первым в Российской Федерации губернаторским выборам 1995 г. организовала четыре экспресс-опроса:

- 1) в начале июня;
- 2) в середине июля;
- 3) перед первым туром (до 6 августа);
- 4) перед вторым туром (до 20 августа).

Географический охват — 10–15 городов и районов Свердловской области, по 1–1,8 тыс. респондентов в каждом опросе.

Общественные настроения сочетали высокий уровень недовольства социально-экономическим положением с надеждами на сильного руководителя, способного преодолеть кризис. По мнению авторов, это были выборы отчаяния. «Они стали выражением глубокой, конечно, еще неосознаваемой, неудовлетворенности населения тем направлением государственного строительства “новой России”, которая обозначалась в последние реформенные годы» [16, с. 64].

Как отмечала уже в 2007 г. Е. А. Луконина, высокая явка на первых альтернативных выборах сменилась процессом постоянного снижения уровня активности, особенно на региональном и муниципальном уровнях. Причем дальнейшая стабилизация ситуации приостановила снижение явки, но не изменила отношение населения к выборным процедурам. «Отсутствие позитивной динамики в жизни населения после проведения все новых и новых выборов, приводящих лишь к формальным изменениям во власти, вызвало разочарование в самой идее выборов и нарастание отчуждения граждан от институтов власти и государства <...> стереотип восприятия выборов как средства доступа к властным ресурсам и удовлетворения собственных амбиций кандидатами в значительной мере сохранился, тогда как восприятие выборов с точки зрения понимания важности и значимости данного мероприятия для жизни страны и ее граждан, возможности участвовать в управлении государством стало умозрительным для значительной части населения» [17, с. 4].

В дальнейшем данная тенденция сохранилась, особенно с учетом значимости кампаний разного уровня. В 2013 г. А. Е. Любарев отмечал, что на федеральных и муниципальных выборах в двенадцати городах «были зафиксированы более чем двукратные различия. Достаточно часто мы видим на муниципальных выборах ниже 20 %. При этом речь идет об основных выборах, а по нашим данным на повторных и дополнительных выборах явка бывает еще ниже» [18, с. 208].

Исчезновение предвыборной интриги

Кампания по переизбранию Б. Н. Ельцина вновь поставила на повестку дня проблему присутствия в достаточном количестве электората на избирательных участках. И тут на первый план вышла проблема предрешенного результата, что снижало интерес к предстоящему голосованию. Так, Пензенский региональный центр социологических исследований в первую неделю мая 1996 г. опросил более 1200 респондентов в области (после выбраковки осталось 1115 анкет), сгруппировав их в тринадцать социальных групп. Согласно полученным данным, предполагаемая явка составляла 80–82 %. При этом только 60,5 % проявляло хоть какой-то интерес к выборам, а 37,9 % утверждали, что определятся с выбором только в последнюю не-

делю перед голосованием. Зюганов имел двойной перевес (32,4 к 17,1 %), однако «население области готово психологически, что Президентом России останется Б. Ельцин. И только 11,4% респондентов (были. — А. Ш.) уверены, что результаты выборов Президента РФ не будут фальсифицированы в чью-либо пользу» [19, с. 30–31].

Позитивные аспекты снижения явки

В то же время многие ученые и специалисты регулярное снижение явки оценивали как вполне закономерное явление. Сама альтернативность выборов представляла собой новацию, которую легко мог опробовать любой дееспособный гражданин страны. Соответственно, отказ от данной процедуры мог рассматриваться как приобщение к стандартам стран с либерально-демократическими режимами.

Как отмечали сотрудники Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, «первый предупредительный звонок, прозвучавший в декабре 1993 г., засвидетельствовавший, во-первых, пробуждение российского электората, и, во-вторых, глубокую неудовлетворенность положением в стране, похоже, не пошел впрок демократам» [20, с. 195].

Первые две парламентские кампании позволили Т. А. Жуманову сделать некоторые предварительные выводы по поводу поведения электората в непривычных для себя условиях конкурентных выборов. Уровень политической активности российских граждан, выражаемый степенью их участия в голосовании, вполне сопоставим с соответствующими показателями в демократических странах (55 % в 1993 г. и 64 % в 1995 г.). Российский избиратель отдает предпочтение крупным и легко узнаваемым партиям (по общефедеральному округу прошло соответственно 8 из 13 (1993), и 4 из 48 (1995) при пятипроцентном барьере). Отсюда возникал вопрос о двух перспективах развития партийной системы:

1) функционирование многочисленных организаций, максимально отражающих интересы социальных сегментов;

2) двух-трехпартийная система, аккумулирующая политические интересы основных слоев общества [21, с. 248].

Данная позиция проявлялась и в последующие годы. Так, в 2016 г. И. Ю. Киселев видел в «умеренной явке» признак стабильности политической системы. «Думаю, явка избирателей вписывается в общую тенденцию и у нас, и в странах Западной Европы: фиксируется общая тенденция к снижению. Но это не означает, что она низкая. Она умеренная и свидетельствует, что общество предпочитает стабильность, расклад политических сил сложился. Высокая явка свидетельствует об активной политической дискуссии в обществе» [22, с. 33].

Причем 1990-е гг. в сравнении с началом нового тысячелетия определялись как период электоральной активности. По мнению той же Е. А. Лукониной, «избиратели демонстрировали большую активность на выборах до 2001 г., далее отмечается процесс ее снижения под воздействием усталости от многочисленных предвыборных кампаний» [17, с. 11].

Таким образом, столь популярная многолетняя дискуссия об «исчезающем избирателе» затронула и нашу страну. Так, одним из «антирекордов» парламентских выборов во Франции 2017 г. стала низкая явка в первом и особенно во втором туре — 48 % [23, с. 65].

Польский исследователь М. Рахвал (M. Rachwal) поставил под сомнение влияние активности избирателей на эффективность государственной машины. «Демократическое государство может нормально функционировать и развиваться, даже несмотря на то что многие граждане отказываются участвовать в выборах. Швейцария — очень хороший пример страны, которая подтверждает предположение исследования. В этой стране явка избирателей является одной из самых низких в мире и значительно ниже, чем в других государствах — членах ЕС, охваченных исследованием (средняя явка избирателей в государствах — членах ЕС составила почти 82 %, в то время как в Швейцарии она составила всего 55 %)» [24, с. 150].

По утверждению сотрудников Российского общественного института избирательного права, «явка на выборах в зарубежных государствах находится в тех же пределах, как на выборах в России, и также не отличается стабильностью ни в хронологическом, ни в территориальном разрезе. Ее количественному показателю СМИ и эксперты уделяют значительно меньшее внимание, чем в Российской Федерации, и поэтому она не используется в качестве инструмента манипуляции легитимностью выборов за рубежом. Явка на выборах как показатель числа избирателей, выбравших “активное” участие в процессе свободного волеизъявления, нередко неоправданно используется как механизм оценки легитимности выборов, и даже представляется чуть ли не основным ее показателем, поскольку, по мнению сторонников этой точки зрения, своим участием в выборах избиратели подтверждают доверие к ним и к избирательной системе страны в целом. Такой подход не является обоснованным и не подтверждается электоральной практикой проведения выборов ни в России, ни за ее пределами, а показатели явки зачастую становятся инструментом манипуляции легитимностью выборов» [25, с. 4–5].

Выводы

Таким образом, вышеописанные конкретные ситуации, связанные с прогнозированием и подведением итогов избирательных кампаний (общефедеральных, региональных и местных), указывали на медленное, но неуклонное снижение явки. Обратные случаи представляли скорее исключение из правил, связанных с определенной местной спецификой. Согласно мировой тенденции, понижение участия в первую очередь поражало те политические структуры, которые не воспринимались как значимые. Для рядовых избирателей значимость заключалась преимущественно во влиянии на жизненный уровень, для активистов и организаторов выборов — в перспективах успеха тех или иных политических сил. Отсюда смена приоритетов между федеральными и региональными уровнями в зависимости от ожиданий разных участников избирательного процесса.

Это вело к постепенному снижению избирательного барьера вплоть до его отмены. Так, на муниципальных выборах (строго говоря, неполитических, если определять политику в категориях власти и государства), пришлось отказаться от требования явки хотя бы 25 % от списочного состава.

Советская традиция массового голосования (если не 99,9 %, то уж точно подавляющая часть избирателей) выступала в качестве объяснения сохранения высокой явки избирателей и в постсоветское время. С этим связан и постоянно воспроизводимый стереотип дисциплинированных пенсионеров.

Относительно выдвигаемых учеными и профессиональными социологами гипотез и концепций следует отметить, что они в основном вписывались в рамки типологии, предложенной Е. С. Сидоркиной. Так, Г. А. Бритвин выделял протест против сложившейся ситуации в стране (снабжение населения товарами и проблема социальной справедливости). По мнению В. М. Вильчека, могла снизить явку критика программ оппозиционных кандидатов (в первую очередь В. В. Жириновского) в СМИ [13, с. 8].

А. А. Иудин, П. Л. Марченков и А. И. Некрасов указывали на усталость и разочарование в политике и отсутствие достойных кандидатов (избиратель полностью дезориентирован и аполитичен) [14, с. 11].

Феномен недоверия к самому институту выборов фиксировался в 1993–1995 гг. в Санкт-Петербурге, Мурманской, Читинской и других областях. Появляется даже термин «выборы отчаяния».

Пензенские социологи (А. П. Парсиев и др.) выделяли в 1996 г. в качестве фактора снижения явки убежденность в предрешенности результатов выборов (большинство респондентов поддерживало Г. А. Зюганова, но преобладала убежденность в переизбрании Б. Н. Ельцина с помощью фальсификации результатов) [19, с. 30–31].

Сама альтернативность выборов представляла собой новацию, которую легко мог опробовать любой дееспособный гражданин страны. Собственно, снижение уровня явки рассматривалось некоторыми исследователями как приобщение к стандартам стран с либерально-демократическими режимами.

Пропагандистский посыл «От твоего голоса зависит судьба страны» имел достаточно большое значение в период первых предвыборных кампаний. Само использование альтернативного голосования в период системного кризиса играло против существующей власти. Отсюда корректирование ситуации с помощью насильственных методов в августе 1991 и сентябре — октябре 1993 г. Усиливаются представления о том, что итоги голосования слабо влияют на развитие политического процесса. Особенно это сказывалось на политически ангажированной части электората. И лояльное, и протестное участие не вели к кардинальным изменениям государственного курса.

Характерная для кризисной эпохи вовлеченность значительной части населения в политическую борьбу с неизбежностью сменяется социальной апатией. С каждым разом политехнологам становилось все труднее объяснить «судьбоносность» очередной избирательной кампании. Это обстоятельство усиливалось культом «приватности», противопоставляемой коммунистической «публичности». Максима «Политический выбор — частное дело» плохо сочеталась с идеей о всеобщем голосовании в стиле известного «Голосуй — или проиграешь».

Да и сам принцип рационального выбора («Мы вам поддержку, вы нам улучшение условий жизни») в условиях деиндустриализации и ваучерной приватизации влиял только на успешное меньшинство, вызывая разочарование у большинства населения.

Общим местом в рассуждениях социологов стало утверждение о «голосовании ногами» как результате разочарования в социально-экономических преобразованиях 1990-х гг. При этом этот тезис объединял сторонников коммунистов (неправильно выбранный курс реформ) с «демократами» (радикальными либерала-

ми) (отклонение от правильного курса). В условиях общего кризиса пресловутый административный ресурс демонстрировал свою ограниченную эффективность в деле мобилизации избирателей.

Зато аффилированная с определенными политическими силами и организациями активная часть электората чутко реагировала на сообщения СМИ о массовых фальсификациях. Ослабевало желание участвовать в «нечестной игре», особенно после событий 1993 и 1996 гг. Причем это касалось не только сторонников проигравших, но и отчасти победителей.

Общее снижение явки прекрасно было использовано в интересах своих клиентов политтехнологами, ведь 1990-е гг. стали расцветом пресловутого «черного пиара».

Напротив, делающая первые шаги российская электоральная социология не была способна улучшить положение в деле социально-политической ориентации электората. Сказывались ее откровенная политическая ангажированность и слабая способность адаптировать зарубежный инструментарий к российским реалиям. Необходимо также указать на характерную для электоральной социологии всех стран проблему: прогностике требуется стабильность, она плохо работает в условиях кризиса.

Литература

1. *Арина К. И.* Абсентеизм в политике: причины и последствия // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 1. С. 214–220.
2. *Бушенева Ю. И.* Абсентеизм как фактор избирательного процесса в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007.
3. *Гавра Д. П.* Абсентеизм как социологическая проблема: структурная гипотеза и детерминирующие факторы // Политический анализ: доклады центра эмпирических политических исследований СПбГУ. 2004. Вып. 5. С. 17–31.
4. *Кобринский А. Л.* Явка на выборы: проблемы и решения // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 4. С. 14–26.
5. *Нагорный В. А.* К вопросу о повышении явки избирателей на выборах в Российской Федерации // Синергия наук. 2019. № 31. С. 1336–1339.
6. *Сидоркина Е. С.* Феномен абсентеизма на парламентских и президентских выборах в России (1995–2008 гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
7. Maximov's Companion to the 1996 Russian presidential elections. Election results: facts and figures / A. Maximov (ed.). London: Maximov publications, 1996.
8. *Hutcheson D. S.* Parliamentary elections in Russia: a quarter-century of multiparty politics. Oxford: Oxford University Press, 2018.
9. *Байнова М. С.* Низкая явка на выборах в России // Социологи и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. М.; Тюмень, 2020. С. 4800–4809.
10. *Джандубаева З. З.* Абсентеизм как феномен современной российской практики: дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.
11. *Грин Д. П.* Объяснение политики с позиций теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? // Политические исследования. 1994. № 3. С. 59–74.
12. *Бритвин В. Г.* Кто станет депутатом? // Социологические исследования. 1989. № 6. С. 21–26.
13. Выборы: кому должны служить средства массовой информации?: материалы конференции работников средств массовой информации. 16–17 окт. 1995 г., Москва. Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса). М.: Права человека, 1996.
14. *Иудин А. А., Марченков П. А., Некрасов А. И.* Выборы 1995: Прогнозы и результаты. Нижний Новгород: Волго-Вятская академия государственной службы; Научно-исследовательский социологический центр, 1996.

15. Лазарсфельд П. Ф. Вводная часть ко второму изданию книги «Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании» / пер. с англ. М. Ю. Завгородней; науч. ред. О. А. Оберемко // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 4. С. 154–176.
16. Берзин Б. Ю., Маклаков В. Т. Выборы губернатора // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 56–64.
17. Луконина Е. С. Социологический анализ динамики активности избирателей: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2007.
18. Любарев А. Е. Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации // Социодинамика. 2013. № 8. С. 139–209.
19. Парсиев А. П. Общественное мнение населения Пензенской области в условиях президентской предвыборной кампании. Пенза: Изд-во ПГТУ, 1996.
20. Развивающийся электорат России: Этнополитический ракурс. Т. 3: Выборы-95. Вып. 2 / отв. ред. М. Н. Губогло; ред.-сост. Г. А. Комарова; М.: РАН; Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии, 1996. С. 61–89.
21. Жуманов Т. А. О некоторых тенденциях в поведении российского электората в условиях становления многопартийности (по итогам парламентских выборов 1993 и 1995 гг.) // Проблемы становления гражданского общества в России. Красноярск, 1996. С. 248–256.
22. Киселев И. Ю. Социология, выборы и политика: [Разговор с проф. Игорем Киселевым] // Интеллектуальный капитал. 2016. № 2 (4). С. 33–36.
23. Федоров С. М. Французские выборы 2017 г.: информация к размышлению // Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы / отв. ред. В. Я. Швейцер. М.: Институт Европы РАН, 2017. С. 59–65.
24. Rachwal M. Voter turnout and the quality of democratic political systems // PolitBook. 2014. No. 1. P. 141–152.
25. Участие избирателей в выборах: российская и зарубежная практика: обзор. М.: РОИИП, 2018.

Статья поступила в редакцию 29 марта 2022 г.;
рекомендована к печати 17 февраля 2023 г.

Контактная информация:

Шевцов Алексей Владимирович — д-р филол. наук, проф.; monografia.schevtsov@yandex.ru

“Voting with feet”: Russian electoral sociology on the problem of voter turnout (1989–1996)

A. V. Shevcov

Herzen Russian State Pedagogical University,
48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

For citation: Shevcov A. V. “Voting with feet”: Russian electoral sociology on the problem of voter turnout (1989–1996). *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, issue 1, pp. 81–92. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.105> (In Russian)

The article is devoted to the problem of turnout in elections in the USSR and Russia in the period from 1989 to 1996 in the assessment of Russian sociologists and social scientists. The theory of representative democracy in its neoliberal version narrows the acts of legitimation to the voting procedure. The experience of implementing these principles in the USSR and the Russian Federation at the end of the 20th century is quite relevant for the development of contemporary political sociology. The goal is a retrospective (historical) study of the explanatory schemes offered by Russian electoral sociologists and representatives of related disciplines on the decline in voter turnout in the 1989–1996 elections. Objectives: 1) description of specific situations, 2) analysis of the positions and arguments put forward, 3) generalization of the

hypotheses and concepts proposed. Traditional methods for works of this nature were used (analysis, synthesis, heuristic, descriptive). The decline in the number of voters was constant. As in the rest of the world, it primarily affected those structures that were not perceived as significant. This led to a gradual lowering of the electoral barrier, even to its abolition. The statement about “voting with one’s feet” as a result of disappointment in the socio-economic transformations of the 1990s became a common place in the sociologists’ reasoning. The active part of the electorate, affiliated with certain political forces and organizations, reacted sensitively to mass media reports of falsifications. The general decline in voter turnout was perfectly exploited by political technologists for the benefit of their clients. The first steps of the Russian electoral sociology were not able to improve the situation in the socio-political orientation of the electorate.

Keywords: electoral sociology, voting turnout, absenteeism.

References

1. Arinina K.I. Absenteeism in politics: causes and consequences. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2014, vol. 156, bk. 1, pp. 214–220. (In Russian)
2. Busheneva Ju. I. *Absenteeism as a factor of the electoral process in modern Russia*: thesis of the dissertation. St. Petersburg, 2007. (In Russian)
3. Gavra D.P., Silant'ev K.S. Absenteeism as a sociological problem: structural hypothesis and determining factors. *Politicheskii analiz: Doklady tsentra empiricheskikh politicheskikh issledovaniy SPbGU*, 2004, vol. 5, pp. 17–31. (In Russian)
4. Kobrinskij A. L. Turnout for elections: problems and solutions. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, 2016, no. 4, pp. 14–26. (In Russian)
5. Nagornyj V.A. On the issue of increasing voter turnout in elections in the Russian Federation. *Sinergija nauk*, 2019, no. 31, pp. 1336–1339. (In Russian)
6. Sidorkina E. S. The phenomenon of absenteeism in the parliamentary and presidential elections in Russia (1995–2008): thesis of the dissertation. Moscow, 2018. (In Russian)
7. Maximov A. *Maximov's Companion to the 1996 Russian presidential elections: Election results: facts and figures*. London, Maximov publications, 1996.
8. Hutcheson D. S. *Parliamentary elections in Russia: a quarter-century of multiparty politics*. Oxford, Oxford University Press, 2018.
9. Bajnova M.S. Low turnout in elections in Russia. *Sotsiologi i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa*. V. A. Mansurov (ed.). Moscow, Tyumen, 2020, pp. 4800–4809. (In Russian)
10. Dzhandubaeva Z. Z. Absenteeism as a phenomenon of modern Russian practice: thesis of the dissertation. Moscow, 2005. (In Russian)
11. Green D. P., Shapiro I. Explaining politics from the standpoint of rational choice theory: why was it possible to learn so little? *Polis: Politicheskie issledovaniya*, 1994, no. 3, pp. 59–74. (In Russian)
12. Britvin V.G. Who will become a deputy? *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1989, no. 6, pp. 21–26. (In Russian)
13. *Elections: who should the media serve?: Materials of the conference of media workers. October 16–17, 1995. Institut "Otkrytoe obshchestvo" (Fond Soros)*. Moscow, Prava cheloveka Publ., 1996. (In Russian)
14. Iudin A.A., Marchenkov P.L., Nekrasov A.I. *Elections 1995: forecasts and results*. Nizhnyi Novgorod: Volgo-Viatskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby Press, 1996. (In Russian)
15. Lazarsfeld P.F. Introductory part to the second edition of the book “People’s Choice: how a voter makes a decision in a presidential campaign”, transl. from English by M. Yu. Zavgorodny; sci. ed. O. A. Oberemko. *Sociologicheskij zhurnal*, 2018, vol. 24, no. 4, pp. 154–176. (In Russian)
16. Berzin B. Y., Maklakov V.T. Gubernatorial elections. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1995, no. 5, pp. 56–64. (In Russian)
17. Lukonina E.S. *Sociological analysis of the dynamics of voter activity*: thesis of the dissertation. Nizhnyi Novgorod, 2007. (In Russian)
18. Lyubarev A. E. Voter activity in federal, regional and municipal elections in the Russian Federation. *Sotsiodinamika*, 2013, no. 8, pp. 139–209. (In Russian)
19. Parsiev A. P. *Public opinion of the population of the Penza region in the conditions of the presidential election campaign*. Penza, Penzenskii gosudarstvennyi tehnikeskii universitet Press, 1996. (In Russian)

20. Guboglo M. N., Komarova G. A. (eds). *Russia's Developing Electorate: Ethnopolitical perspective. Vybory-95*, vol. 3, iss. 1, Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology Press, 1996. (In Russian)
21. Zhumanov T. A. On some trends in the behavior of the Russian electorate in the conditions of the formation of multiparty system (based on the results of the parliamentary elections of 1993 and 1995), *Problemy stanovleniia grazhdanskogo obshchestva v Rossii*. Krasnoyarsk, 1996, pp. 248–256. (In Russian)
22. Kiselev I. Yu. Sociology, elections and politics: Conversation with Professor Igor Kiselev, *Intellektual'nyi kapital*, 2016, no. 2 (4), pp. 33–36. (In Russian)
23. Fedorov S. M. French elections 2017: information for reflection. *Vybory vo Frantsii 2017 g.: itogi i perspektivy*. V. Ya. Schweitzer (ed.). Moscow, Institute of Europe Press, 2017, pp. 59–65. (In Russian)
24. Rachwal M. Voter turnout and the quality of democratic political systems. *PolitBook*, 2014, no. 1, pp. 141–152.
25. *Voter participation in elections: Russian and Foreign Practice: A review of the Russian Public Institute of Electoral Law*. Moscow, 2018. (In Russian)

Received: March 29, 2022
Accepted: February 17, 2023

Author's information:

Aleksej V. Shevcov — Dr. Sci. in Philology, Professor; monografia.schevtsov@yandex.ru